

УДК 82.09

ПРОБЛЕМА ПАМЯТИ И БЕСПАМЯТСТВА В РОМАНАХ Е.ЧИЖОВОЙ «ВРЕМЯ ЖЕНЩИН» И О.СЛАВНИКОВОЙ «СТРЕКОЗА, УВЕЛИЧЕННАЯ ДО РАЗМЕРОВ СОБАКИ»

© Г.А.Фролова, Т.Г.Прохорова

В статье осуществляется сопоставительный анализ романов двух современных писательниц – О.Славниковой «Стрекоза, увеличенная до размеров собаки» и Е.Чижовой «Время женщин». Основной предмет анализа – проблема памяти и беспамятства. В статье выявляются формы и способы художественной реализации данной проблемы, в связи с этим проясняются особенности повествования, специфика системы образов, композиции, характер сквозных мотивов.

Ключевые слова: проблема исторической памяти, беспамятство, ретроспекция, субъекты речи, саморефлексия, нелинейность повествования.

Современных писательниц Елену Чижову и Ольгу Славникову многое объединяет. Ровесницы, они примерно в одно время вошли в литературу и сразу же после публикации первых романов («Стрекоза, увеличенная до размеров собаки» (1996) О.Славниковой и «Крошки Цахес» (2000) Е.Чижовой) обрели благодарных читателей и были признаны виднейшими критиками. Одновременно каждая из них получила свою порцию упреков в искусственности и вычурности языка. Тем не менее настоящее признание в виде Букеровской премии не заставило себя долго ждать: в 2006 г. ее получила Славникова за роман «2017», а в 2009-м победителем был объявлен роман Чижовой «Время женщин». И это при том, что литературный Олимп в виде Русского Букара покорялся женщинами нечасто. В своем творчестве Чижова и Славникова отдают явное предпочтение романному жанру. Есть в их прозе и целый ряд сходных проблем, рассмотрению одной из которых и будет посвящена наша работа.

Цель данного исследования – через сопоставительный анализ романов Е.Чижовой «Время женщин» и О.Славниковой «Стрекоза, увеличенная до размеров собаки» выявить, как происходит художественное осмысление проблемы исторической памяти. Поставленная цель предполагает решение следующих задач: выявить способы создания образа времени, проанализировать особенности повествования, системы образов, проследить развитие ключевых мотивов, связанных с интересующим нас кругом вопросов. Хотя творчество Е.Чижовой и особенно О.Славниковой постоянно находится в поле внимания критиков и литературоведов (Е.Елагиной, С.Белякова, А.Немзера, Л.Аннинского), сопоставительный анализ названных выше романов в заданном аспекте не предпринимался. Ме-

жду тем проблема памяти, осмысление причин беспамятства чрезвычайно актуальны сегодня, что и побудило нас обратиться к их рассмотрению.

Романы «Стрекоза, увеличенная до размеров собаки» и «Время женщин» вмещают несколько эпох. Сюжетное время расширяется за счет многочисленных воспоминаний героев. Ретроспекции позволяют проникнуть в глубины человеческой памяти и распознать истоки настоящих страхов и жизненных принципов персонажей.

В основе сюжета и того, и другого романов – история человеческих взаимоотношений: у Славниковой – живущих вместе матери и дочери, у Чижовой – история молодой и талантливой художницы Сюзанны, которая с детства воспитывалась соседками по коммуналке. Отсутствие диалогов (у Славниковой) и сведение их до минимума (у Чижовой) погружают читателя во внутренний мир героев. Произведения буквально сотканы из голосов и построены как череда размышлений. Героев двух романов объединяет постоянная саморефлексия. Данное свойство включает в себя не только способность постоянно размышлять над сказанным и сделанным, прошлым и настоящим, но и стремление оторваться от страшной реальности. В сознании героинь очень часто переплетаются быль и небыль, действительное и воображаемое. Вот почему особое место в романах и Чижовой, и Славниковой отводится снам, видениям, мечтам. Они искусно вплетаются авторами в ткань повествования и настолько органично спаяны с основным сюжетом, что читателю тоже не просто отличить реально происходящие события от воображаемых.

Постоянная смена субъектов речи в романе «Время женщин» позволяет автору включить судьбы пяти героинь в контекст жестокой эпохи. Гликерия, Евдокия и Ариадна пережили револю-

цию, гражданскую и две мировых войны, блокаду, голод, репрессии, гибель детей и внуков, жизнь в постоянном страхе, когда не спасали ни преданность делу партии, ни пролетарское происхождение, ни деньги. Чижова позволяет почувствовать силу духа и мужество своих героинь, но вместе с тем дает понять, что сами эти качества рождены горьким опытом отчаяния, присущим этому поколению. Жестокая эпоха растоптала надежду на счастье, лишила их веры в справедливость. В этом плане символична ситуация выбора крестной матери для Сюзанны, немой ответ старух на вопрос батюшки, есть ли среди них Вера, Любовь или Надежда: *«Головами покачали: нету»* [1: 18]. Именно отсутствие этих духовных опор и объединяет прямую и строгую Евдокию, тихую и интеллигентную Ариадну, восторженную и улыбчивую Гликерию. Примечательно и то, почему в итоге крестной решили выбрать Ариадну, символика имени которой уже говорит, что стало в это страшное время «путеводной нитью»: *«У тебя все – слава богу: муж – на Первой, сын – на Второй, внуки с невесткой в блокаду померли. Все по-людски»* [1: 19].

Практичности и дальновидности старшего поколения противопоставлена в романе доверчивость и безответность Антонины, которая представляет среднее поколение. Одним из определяющих ее качеств является рабская покорность всему и всем: требованиям соседок по коммуналке, случайному прохожему, соблазнившему ее, расчетливому Николаю. Но эта покорность – не столько индивидуальное качество ее характера, сколько особенность социальной психологии, сформированная постоянным страхом за жизнь собственную и своих близких в эпоху тотального контроля.

Обращает на себя внимание и загадочная немота малолетней Сюзанны, смысленной и чувствительной девочки, которая получает знания о мире, прислушиваясь к разговорам взрослых. Внешний мир воспринимается ею как враждебный: атланты, поддерживающие свод Зимнего дворца, кажется, готовы раздавить своими массивными ногами, львы у мостика через Неву, постоянно следят и могут укусить. За этим кроется не просто фантазия впечатлительного ребенка, но все тот же страх и чувство незащищенности, закрепившиеся на генетическом уровне.

Таким образом, три поколения женщин в романе «Время женщин» олицетворяют прошлое, настоящее и будущее. При всей разности характеров каждая из героинь выражает некое качество народа, обожженного эпохой войн и революций. При помощи множественных точек зрения

автор создает картину мира, в центр которого он помещает женщину – хранительницу традиций, исторической памяти, хозяйку дома, но прежде всего мать. Мотив материнства в романе тесно переплетается с мотивом сиротства. И опять – сиротство не только конкретного ребенка, но целого народа, лишенного голоса и прав, брошенного и обманутого. В этом смысле нелинейность, разорванность повествования воспринимается как способ отражения этой черты времени.

Есть и другое объяснение специфики повествовательной структуры романа Чижовой, связанное с особенностями мировосприятия Сюзанны. По справедливому наблюдению критика Е.Погорелой, в ее сознании «стираются границы между жизнью и смертью, смешиваются действительность и мир сказки, которые ей читают на ночь»; «в образах трех старух, вечно что-то вяжущих, шьющих, переплетающих дешевые нитки, как судьбы, угадываются образы Парок» [2: 268]. Действительно, в романе Чижовой «Время женщин» обычные нити для рукоделия, старые, все в узелках, воспринимаются как символ связи времен, которую необходимо восстановить, чтобы в конечном итоге «связать» память, наладив тем самым преемственность поколений. И эта святая обязанность возлагается прежде всего на женщину.

В романе Славниковой «Стрекоза...» тоже в центре внимания находятся женские судьбы, здесь тоже представлены разные поколения, которые объединяет общее чувство страха и подозрительности. Так, коллеги по работе недолюбливают Маргариту, потому что подозревают ее в связях с КГБ, сторонятся Катерины Ивановны, так как она дружит с Маргаритой, даже Софья Андреевна испытывает к подруге дочери некоторую неприязнь, тем более что сама учительница – дочь врага народа. В произведении Славниковой, как и в романе Чижовой, преобладает реалистический принцип изображения характеров в их обусловленности конкретным временем. Так, в образе Софьи Андреевны проявляется сознание среднестатистического человека советской эпохи, зараженного тягой к коллективизму, вызванной отчасти идеологией, а отчасти элементарным дефицитом необходимого: *«Никто не обращал внимания на прямую, как пугало, Софью Андреевну, как-то оказавшуюся без денег в очереди к кассе, естественно вовлекшей ее арестантским ритмом движения ног»* [3: 388]. Сцена первомайской демонстрации также рисует отнюдь не искреннюю радость и ликование собравшихся, а стремление *продемонстрировать*, насколько они счастливы. Сквозь призму авторской грустной иронии в романе изображается особый челове-

ский тип – пленника идеи в его женской ипостаси. Соответственно, и сама психологическая подоплека преданности идее имеет свои нюансы: за стремлением к коллективизму, за нездоровым интересом к чужим отношениям, за желанием всех осчастливить скрываются прежде всего неблагоприятное личное благополучие, духовная ущербность. Это объединяет и Софью Андреевну, и ее дочь Катерину Ивановну, и Маргариту.

Но есть еще один нюанс: человека советской эпохи отличало желание доказать, что он «свой», дабы оградить себя от возможной опалы: *«Чтобы избавиться от тени, бросающей на нее арестованным отцом, Софья Андреевна всегда стремилась на яркий свет: на трибуну, в президиум, в первый ряд университетского хора, хотя почти не имела голоса, – избегала заводить какие-то собственные тайны, инстинктивно вся и целиком держалась на виду»* [3: 150]. Она с детства прилагала все старания, *«чтобы арестованный отец, вернувшись, не признал своей пионерку с одними пятерками, студентку с тугими пуговицами до горла, передовую учительницу»* [3: 153]. Вот почему в романе Славниковой коллективистская установка, присущая ее героиням, не исключает, а предполагает одиночество. Так, для Софьи Андреевны *«должным была не благоприятная семейная жизнь, якобы диктуемая ее общественным положением, но подспудно осознаваемая судьба остаться в одиночестве»* [3: 154]. Не потому, что одной легче, а потому, что одной – безопаснее.

Самой страшной приметой изображаемого писательницами времени становится массовая гибель мужчин в результате войн и репрессий: *«двое мужчин в семье были бы чем-то невероятным, какой-то буржуазной, чужеземной роскошью вроде двух автомобилей, и чем-то довольно опасным, почти противозаконным»* [3: 148]. Вот почему Славникова, как и Чиждова, могла бы назвать вторую половину столетия «временем женщин». Женщины были вынуждены взвалить на себя всю тяжесть восстановления не только разрушенной войной страны, но и разрушенных семей. При этом в анализируемых романах отразилась и другая закономерность: на фоне женской силы росло бессилие мужчин. Эта обратная пропорциональная зависимость воплощена у Славниковой в образах беспутного Ивана, мужа Софьи Андреевны, безвольного Кольки, ставшего тенью своей жены – энергичной Маргариты, у Чиждовой – в образе соблазнителя Антонины, расчетливого Николая. В растущем безволии мужчин Славникова видит и беду, и вину женщин: *«Новый муж, войдя в семейство, <...> сразу ощущал пустоту, которую не мог запол-*

нить один. <...> Он был очень одинок в своей пустоте, мужчина среди женщин, хватавших у него из рук любую работу и всякий нужный ему предмет, сразу же подавая его назад с какой-нибудь услугой; женщин, столь между собой схожих, что они казались представительницами особой нации» [3: 252].

Страх в очередной раз потерять главу семьи диктовал женщинам особую модель поведения – не перечить, молчать и угождать во всем, которая со временем стала буквально передаваться по наследству. Вот почему Софья Андреевна не смогла противостоять натиску Ивана, а потом безропотно сносила его измены и конечный уход из семьи. Это объясняет и *«страх дочерей перед отцами», ненависть «к ним, убитым, бросившим на произвол судьбы, и поэтому <...> все дольше продолжалось их степенное девичество»* [3: 252]. Эта судьба постигла и Катерину Ивановну, которая не смогла наладить отношения с мужчиной даже на начальном этапе.

Если в романе Чиждовой жизнь женщин вписана в социально-исторический контекст наиболее очевидно, то в романе Славниковой судьба женщины представлена скорее в социально-бытовом аспекте. Но при этом, как справедливо заметил критик М.Амусин, «Славникова намеренно препятствует прочтению этой истории как социально-бытовой драмы. Исторический (советский) фон повествования дан глухими и размытыми упоминаниями о терроре 30-х, войне, присутствии в повседневной жизни тени КГБ и первомайских субботников» [4]. Размытость исторического фона в романе «Стрекоза, увеличенная до размеров собаки», на наш взгляд, все же не мешает актуализации проблем памяти и преемственности поколений. Если рассматривать эти два произведения в контексте данной проблемы, то роман Чиждовой – книга о памяти, а роман Славниковой – книга о результатах страшного беспамьяства. Софья Андреевна почти не помнит отца, так как в семье было настоящее табу на имя и судьбу арестованного. Своей дочери она тоже ничего не рассказывает ей об отце, а с возрастом незнание переходит в нежелание знать, и связь поколений вовсе разрушается. В этом плане роман Чиждовой выглядит более жизнеутраждающим, что поддерживается идеей витальности родовой памяти. Сюзанна буквально пропитана почтением и благодарностью к тем, кто ее поставил на ноги, воспитал, тонкая душевная организация и развитая интуиция породили в ней чувство благоговения перед теми, кто разделил с Россией ее нелегкий путь. Хотя судьбы героинь Славниковой и Чиждовой схожи в своей основе, но Сюзанна и Катерина Ивановна

делают разные выводы из происходящего и, как следствие, проживают две абсолютно разные жизни: Сюзанна – яркую, творческую, насыщенную добрыми воспоминаниями о хороших людях, а Катерина Ивановна – серую, несчастливую, наполненную страхами.

Итак, мы убедились, что в анализируемых романах Е.Чижовой и О.Славниковой образ тоталитарной эпохи представлен с точки зрения женщин. Причем у Е.Чижовой именно женщины являются хранительницами исторической памяти, а у О.Славниковой сквозь призму женских судеб раскрывается драма беспамятства. Сам характер системы образов позволил Чижовой не только выразить разные грани времени народных страданий, но одновременно и воплотить идею сохранения связи поколений. Вот почему концептуальное значение здесь приобретает мотив материнства, с которым связан и мотив распутывания ниток, приобретающий символический смысл. В произведении Славниковой, напротив,

акцентируется внимание на присущей времени трагедии разрыва связей даже между близкими людьми, соответственно, мотивы отчуждения и одиночества становятся определяющими. А поскольку речь в первую очередь идет о женщинах, которым самой природой даровано быть хранительницами связи, это позволяет автору привнести дополнительное философское звучание в трагическую картину времени.

1. *Чижова Е.* Время женщин: романы. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 348 с.
2. *Погорелая Е.* В поисках озвученного времени // Вопросы литературы. – 2010. – №3. – С. 255 – 271.
3. *Славникова О.* Стрекоза, увеличенная до размеров собаки. – М.: ВАГРИУС, 2000. – 512 с.
4. *Амусин М.* Посмотрим, кто пришел // Знамя. – 2008. – №2 // URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2008/2/am14.html> (дата обращения 23.05.2013).

ON THE ISSUE OF REMEMBRANCE AND FORGETFULNESS IN THE NOVELS "THE TIME OF WOMEN" BY E.CHIZHOVA AND "THE DRAGONFLY, MAGNIFIED TO THE SIZE OF THE DOG" BY O.SLAVNIKOVA

G.A.Frolova, T.G.Prohorova

The paper is a comparative analysis of the two novels by contemporary writers – O.Slavnikova "The Dragonfly, Magnified to the Size of the Dog" and E.Chizhova "The Time of Women". The main object of the analysis is the issue of remembrance and forgetfulness. The article identifies the forms and methods of artistic realization of the idea, clarifies the features of narration, specifics of the image system, composition, nature of cross-cutting motifs.

Key words: issue of historical memory, forgetfulness, retrospective, subjects of speech, self-reflection, non-linearity narration.

Прохорова Татьяна Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и методики преподавания Института филологии и искусств Казанского федерального университета.

E-mail: tatprohorova@yandex.ru

Фролова Галина Александровна – старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы Казанского федерального университета (филиал в г.Елабуга).

E-mail: Galina-Frolova-egpu@yandex.ru

Поступила в редакцию 23.04.2013